

Белинский А.В.¹

Введение. Правый лагерь Старого Света: от «конца истории» к ренессансу

Аннотация. В статье рассматривается эволюция правого лагеря (консерватизм, правый популизм, правый радикализм) в начале XXI столетия. Отмечается, что стирание различий между ведущими партиями, трансформация общества и окончание холодной войны привели в совокупности к кризису идентичности правых партий и сил в Европе. Консервативные партии сдвинулись к центру, отказавшись при этом от своих традиционных ценностей и идей. Что касается праворадикальных и правоэкстремистских организаций, то они, лишённые поддержки значительной части общества и СМИ, оказались в своеобразном политическом гетто. Однако размывание среднего класса, негативные последствия глобализации, проблема миграции, перманентный страх утраты социального статуса вкупе с неспособностью центристских партий решить назревшие проблемы дали правым силам исторический шанс. Уже в середине – конце 1990-х годов праворадикальные и правоэкстремистские организации добились в ряде европейских стран успехов на региональном уровне. Однако подлинный ренессанс для правых сил в Европе наступил в середине 2000-х годов, когда после проведенной модернизации правопопулистские партии стали добиваться

---

¹ Белинский Андрей Викторович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник, ИНИОН РАН; belinskii_andrei@mail.ru

серьезных успехов на выборах. Одновременно с этим произошел сдвиг вправо консервативных партий в ряде европейских стран (Австрия, Франция и т.д.) В 2020–2023 гг. Европа пережила третью волну наступления правопопулистских сил, приметами которой стали победы на выборах «Права и справедливости» в Польше, «Фидес» – в Венгрии, стремительный рост популярности «Альтернативы для Германии», «Австрийской партии свободы» и т.д.

Ключевые слова: правый лагерь, правый популизм, М. Ле Пен, «Альтернатива для Германии», «Австрийская партия свободы», ЕС.

Не конец истории

В середине 1950-х годов один из наиболее влиятельных социологов ФРГ Г. Шельски (1912–1984) выдвинул концепцию «нивелированного общества среднего класса», формирующегося в наиболее развитых странах Западной Европы и США [Schelsky, 1954]. И действительно, к концу «славного тридцатилетия» (1945–1975)¹ удельный вес средних слоев населения, чье благосостояние подпитывалось благоприятной экономической конъюнктурой и социальными реформами правительства, уже составлял 50–60%. Традиционные социальные противоречия (рабочий класс и предприниматели, крестьяне и землевладельцы), которые в прошлом не раз становились причинами общественных потрясений и революций, похоже, готовились «кануть в Лету», что, в свою очередь, не могло не найти отражение и в политической сфере.

Борьба между левыми и правыми силами, ставшая уже практически классической «постановкой» политического театра, хотя и не ушла в прошлое, но приобрела совершенно иной оттенок. Если в XIX – первой половине XX в. дискуссии касались острых общественных проблем (введение всеобщего избирательного права, социальные реформы, форма политического устройства и т.д.), то на излете «долгого двадцатого века» (Э. Хобсбаум) политические партии западных стран, после продолжительных споров достигшие определенного консенсуса по ключевым вопросам, стали практически неотличимы друг от друга. А выборы все больше напоминали

---

¹ «Славное тридцатилетие» (1945–1975) – период в истории стран Западной Европы и США, характеризовавшийся стабильным экономическим ростом.

«ярмарку тщеславия», во время которой PR-агентства и избирательный штаб кандидата в буквальном смысле соревновались в разработке привлекательной избирательной кампании, чтобы приправить пресное блюдо партийных программ яркими спецэффектами.

Одобрительные возгласы тысяч граждан ГДР, сопровождавшие крушение Берлинской стены, которая олицетворяла не только противостояние Запада и Востока, но и победу идеологии над «common sense» (здравый смысл), казалось, лишний раз подтверждали, что теоретические выкладки маститых исследователей и политических деятелей были верны.

Действительно, период с момента окончания холодной войны и до середины 2000-х годов ознаменовался дальнейшим стиранием различий между ведущими партиями Старого Света. Правые партии постепенно приняли повестку своих оппонентов (защита прав меньшинств, экологическая тематика, обеспечение равноправия полов), в то время как европейские социал-демократы и социалисты сделали своего рода «реверанс» в сторону консерваторов, переместившись на позиции «неолиберализма» и «свободной торговли».

В этом отношении весьма показателен пример ФРГ, политического и экономического флагмана Евросоюза. Вспыхнувшая в конце 1940-х годов борьба между христианскими демократами и СДПГ после серии негласных, – но от этого не менее значимых, – компромиссов постепенно сходилась на нет, и в конечном итоге традиционное деление на «правых» и «левых», восходящее к эпохе Великой французской революции, фактически утратило свой изначальный смысл. В то же время находившиеся на крайних флангах организации (НДПГ, «Левые»), несмотря на локальные успехи, в целом оставались в политической изоляции, что не позволяло им занять достойное (с точки зрения их лидеров) «место под солнцем». Подобные процессы протекали и во Франции, и на территории Соединенного Королевства, и на Пиренейском полуострове. Казалось, что ход истории на европейском континенте остановился, а выдвинутая итальянским философом Дж. Агамбенем концепция

«цивилизации среднего класса»¹ («...мы должны признать, – пишет он, – что социальных классов уже не существует, есть лишь планетарная мелкая буржуазия» [Агамбен, 2008, с. 24]) стала реальностью.

Подобного рода оптимизм западных теоретиков основывался на «трех китах»: 1) победа Запада в холодной войне, которая должна была подтвердить превосходство его общественно-политической и экономической модели; 2) начавшийся экспорт либеральной демократии в страны Восточной Европы; 3) распад СССР и начавшиеся на постсоветском пространстве либеральные преобразования. Однако в начале XXI в. колесо истории совершило очередной поворот, еще раз наглядно продемонстрировав и нелинейность общественного развития, и зыбкость прогнозов даже самых проницательных умов.

В начале 1990-х годов, когда воспеваемая трубадурами свободного рынка и либеральной демократии модель общественного развития начала пробуксовывать, многие вспомнили мрачные прогнозы О. Шпенглера. Первыми поступь «железной пяты» новой эпохи почувствовали жители Восточной Европы, в 1989 г. мечтавшие о западных свободах и демократии при сохранении тех социальных гарантий, которыми они пользовались при социалистическом режиме. Однако падение «железного занавеса» и интеграция восточноевропейских стран в Евро-атлантическое сообщество на первых порах привели не только к наполнению полок магазинов дефицитными западными товарами и появлению возможности выезжать на заработки в ФРГ, Австрию или Великобританию, но и к массовому закрытию десятков крупных предприятий. Экономический шок, который в начале 1990-х годов пришлось пережить гражданам Венгрии, Польши, Румынии и бывшей ГДР, стал одной из причин политической фрустрации, выразившейся сначала в апатии, а затем постепенном разочаровании в демократических ценностях и тоске по сильной руке, а это, в свою очередь, готовило почву для реванша авторитарных, правых сил.

---

¹ Фактически Дж. Агамбен развил идею Ф. Фукуямы о «конце истории» и победе либеральной демократии.

Одновременно в странах Восточной Европы происходила трансформация политической системы, в ходе которой вчерашние либералы (В. Орбан в Венгрии, братья Качиньские в Польше) постепенно переходили на более консервативные позиции и в начале 2000-х годов встали в «жесткую стойку» по отношению к Брюсселю. Правый поворот в «новой» Европе был обусловлен не только экономическими трудностями и разочарованием общества и части политических элит в демократии, но и сильными авторитарными и патерналистскими традициями. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в середине 2010-х годов в ряде стран Восточной Европы стали формироваться режимы, за демократическим фасадом которых скрывалось авторитарное «глубинное государство» (*англ.* «deep state»).

Однако и к западу от Эльбы и Дуная, в странах «старой» Европы, ход событий свидетельствовал о серьезных переменах. Глобализация, представлявшаяся либеральным экономистам и политикам путем в рай, в конечном счете оказалась дорогой с двусторонним движением.

В то время как крупные мегаполисы – Лондон, Париж, Рим, в сиянии тысяч огней демонстрировали свое богатство и процветание, традиционные индустриальные центры – Рур, Эльзас, Лотарингия, столкнувшись с делокализацией производства и конкуренцией со стороны восточноазиатских «тигров» (Китай, Тайвань, Малайзия), все больше погружались в атмосферу безнадежности, политической апатии, фрустрации. На этом фоне неспособность политических элит справиться с нарастающим валом проблем лишь подливала масла в огонь («потоком лжи элиты превращают свои провалы в успехи, последовательные отступления в победы» [Ле Пен, 2016, с. 202]).

И вот уже вчерашние политические партии, «Национальный фронт» Ж.-М. Ле Пена или немецкая НДПГ, эти вечные возмутители общественного спокойствия, начали собирать свою «жатву» в депрессивных районах Франции и ФРГ [Белинский, 2018, с. 18]. В Италии, подарившей миру термин «популизм», различные партии и движения как правоцентристского, так и крайне правого толка с переменным успехом соревновались друг с другом

за голоса избирателей. Рост влияния крайне правых в рабочих кварталах и провинции происходил на фоне глубокого кризиса левых сил (коммунистов, отчасти социалистов) [Eribon, 2016, S. 71]. Умело совмещая социальную риторику с антимигрантской повесткой, эти партии постепенно расширяли свое влияние и смогли занять устойчивые позиции на крайне правом фланге. Вместе с тем уже на данном этапе (начало 1990-х – середина 2000-х годов) проявились очевидные ограничения, препятствующие дальнейшему росту праворадикальных организаций, упершихся в «потолок» общественных настроений и противодействие «старых» партий. Наиболее отчетливо это продемонстрировали президентские выборы во Франции 2002 г., когда прорвавшийся во второй тур кандидат от «Национального фронта» Ж.-М. Ле Пен столкнулся с противодействием со стороны единого республиканского фронта социалистов, правоцентристов и левых.

Именно с середины 2000-х годов во многих европейских праворадикальных партиях начался процесс трансформации, приведший к постепенному превращению их в правопопулистские партии. Различия между праворадикальными и правопопулистскими партиями обусловлены их отношением к действующему политическому режиму, правам человека, их позицией в отношении мигрантов и чужаков. В то время как «старая гвардия» правых радикалов прямо отрицала либеральную демократию, отдавая явное предпочтение «сильной руке» и авторитарному государству, не скрывала своих расистских воззрений и периодически шокировала общественность громкими заявлениями, более молодое поколение политиков стремилось к респектабельности и интеграции (пусть и частичной) в политическую систему. Стряхнув «пыль» предрассудков, М. Ле Пен, Х.-К. Штрахе, Дж. Мелони сделали ставку на модернизацию и расширение электоральной базы, полагая, что это позволит им прийти к власти [Koppetsch, 2020, S. 45].

Электоральный цикл 2015–2017 гг. в Европе, ознаменовавшийся рядом значительных успехов правых популистов, стал подлинным «моментом истины» для элит и СМИ. Если успехи польской партии «Право и справедливость» и венгерской партии «Фидес» еще можно было объяснить незрелостью демократии в

Восточной Европе, то выход М. Ле Пен во второй тур президентских выборов во Франции, крупный успех АдГ на выборах в Бундестаг и вхождение Австрийской партии свободы в правящую коалицию с консерваторами свидетельствовали не только о подъеме правопопулистских партий, но и о развитии кризисных тенденций в самой «ткани» европейской политической системы.

Хотя «вторая волна» популизма (2015–2017) в конечном итоге была погашена либо посредством создания единого фронта центристских партий (Франция, ФРГ), либо за счет инкорпорирования правых популистов в правящие коалиции (Австрия, Италия), тем не менее правый лагерь Старого Света испытал настоящий Ренессанс.

Одновременно с ростом популярности правых популистов в большинстве европейских стран внутри консервативных и правоцентристских партий происходили процессы, явственно свидетельствующие о «смене вех». Столкнувшись с вызовом справа и перспективой потери влияния, европейские консерваторы, к этому моменту уже отказавшиеся от своих традиционных ценностей в пользу идей глобализации и универсального порядка, были вынуждены адаптироваться к новой реальности.

Дальше всех по этому пути прошли австрийские консерваторы, которые за годы недолгого, но яркого пребывания у штурвала власти «политического вундеркинда» С. Курца (2017–2021) не только вступили в коалицию с правопопулистской Австрийской партией свободы, но и сами существенно сдвинулись вправо [Strobl, 2021, S. 39]. Такой ход событий не мог не вызывать тревогу у ведущих европейских политиков, всерьез опасавшихся за судьбу демократии. «Никогда не забуду первое заседание “бирюзово-синего” правительства с комиссией в Брюсселе. Предполагавшаяся дружеская рабочая встреча с перерывом на обед, проводившаяся в рамках подготовки к председательству в Совете ЕС, началась очень напряженно», – вспоминал впоследствии уже экс-канцлер С. Курц [Kurz, Bischofberger, 2022, S. 64].

Однако маятник истории уже качнулся в другую сторону. В других странах Западной Европы внутри консервативных партий шли ожесточенные дискуссии о необходимости «возвращения

к корням» и изменения своей политики, об отношении к правым популистам. Во Франции республиканцы, потерпевшие сокрушительное поражение в 2017 г., стали занимать все более жесткую позицию по вопросам миграции, защиты французского языка и культуры, подчас соглашаясь с идеями «Национального объединения» (бывш. «Национальный фронт»). В Великобритании немалая часть тори во главе с Б. Джонсоном, поддержала Брекзит, сыграв на руку Н. Фараджу и другим евроскептикам. Фактически правые популисты стали тем «камешком», который вызвал сход политической «лавины» в Старом Свете.

Свидетельством того, что правый поворот в Европе оказался реальностью, стала «третья волна» наступления правых сил в 2020–2022 гг., совпавшая с очередным электоральным циклом во многих европейских странах: основными вехами стали победа (пусть с минимальным перевесом) А. Дуды («Право и справедливость») на президентских выборах в Польше (2020), а также победа венгерской партии «Фидес» на парламентских выборах в Венгрии (2022).

Весной 2022 г. все внимание политических наблюдателей было приковано к событиям во Франции, где шла подготовка к очередным президентским выборам. Сохраняющиеся социально-экономические проблемы и недовольство населения либеральными реформами правительства обещали сделать предвыборную гонку не менее драматичной, чем это было пять лет назад [Лапина, 2021, с. 12]. К тому же на политическом горизонте страны маячила фигура талантливого, однако весьма эпатажного журналиста Э. Земмура, который со своим движением «Реконкиста» занял крайне правый фланг политического спектра. И хотя республиканский фронт и в этот раз остановил рывок правых популистов к власти, исход выборов отчетливо продемонстрировал, насколько глубок раскол в обществе.

И если во Франции М. Ле Пен готовится к новому раунду противостояния с Елисейским дворцом, то в соседней Италии Дж. Мелони, лидер партии «Братья Италии», смогла победить на выборах и занять кресло премьер-министра.

Результаты нынешнего электорального цикла вкупе со стремительным ростом популярности правых популистов в Австрии и

ФРГ – прямое свидетельство серьезных изменений в партийно-политическом ландшафте на европейском континенте. Этим изменениям, требующим всестороннего изучения и осмысления, и посвящен данный номер журнала «Актуальные проблемы Европы».

Структурно номер делится на две части, дополняющие друг друга. Первая часть посвящена теоретическому осмыслению концепта популизма в современной политической науке (работа П.В. Осколкова и А.И. Тэвдой-Бурмули), а также межстрановым темам – исследования Б.П. Гуселетова (правые партии в Европарламенте), А.В. Белинского и М.В. Хорольской (женский вопрос в программах и практиках правых популистов), О.Н. Новиковой (ультраправый экстремизм и терроризм в Западной Европе). Вторая часть включает статьи, в которых рассматривается положение правых сил в различных европейских странах. Эволюции правого фланга во Франции посвящены работы В.Н. Чернеги (эволюция правоцентристов), Н.Ю. Лапиной (феномен Э. Земмура), П.П. Тимофеева («Национальное объединение»); в ФРГ – статьи Ф.А. Басова (ХДС / ХСС и правый популизм), Ф.О. Трунова (подход ХДС / ХСС к военному строительству), Т.В. Арзамановой (место «Альтернативы для Германии» в политической системе ФРГ), С.В. Погорельской (перспективы НДПГ в ФРГ); положению консервативной партии Великобритании посвящена статья Е.В. Ананьевой. Политическая ситуация в Восточной Европе анализируется в работах А.Ф. Дыриной (Польша накануне парламентских выборов) и Т.Г. Битковой (правый популизм в Румынии). Малоизученный в отечественной науке сюжет – проблема адаптации франкофонных мигрантов во Фландрии – детально исследован в статье А.З. Саргсян.

Литература / References

Агамбен Дж. (2008). Грядущее сообщество / Пер. с ит. Дм. Новикова. – Москва : Три квадрата. – 144 с. [Agamben G. (2008). The coming community [*Gryadushchee soobshchestvo*] / Transl. from Italian Dm. Novikov. – Moscow : Tri kvadrata. – 144 p.] (In Russian).

Белинский А.В. (2018). «Восстание против элит» : всплеск праворадикального популизма в Западной Европе // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 2. – С. 14–36 [Belinsky A.V. (2018).

«The revolt against elites» : radical right populism surge in Western Europe [*«Vosstanie protiv elit» : vsplesk pravoradikal'nogo populizma v Zapadnoi Evrope*] // Current problems of Europe / RAN, INION. – Moscow. – N 2. – P. 14–36] (In Russian).

Лапина Н.Ю. (2021). Франция в эпоху глобальных трансформаций // Актуальные проблемы Европы / РАН, ИНИОН. – Москва. – № 3. – С. 7–25 [Lapina N.Yu. (2021). France in the era of global transformations [*Frantsiya v epokhu global'nykh transformatsii*] // Current problems of Europe / RAN, INION. – Moscow. – N 3. – P. 7–25] (In Russian).

Ле Пен М. (2016). Сквозь враждебные волны / Пер. с фр. О.Е. Ивановой. – Москва : Кучково поле. – 320 с. [Le Pen M. (2016). Through hostile waves [*Skvoz' vrazhdebnye volny*] / Transl. from French O.E. Ivanova. – Moscow : Kuchkovo pole. – 320 p.] (In Russian).

Eribon D. (2016). Rückkehr nach Reims / Aus dem Französischen von Tobias Haberkorn. – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag. – 240 S.

Koppetsch C. (2020). Rechtspopulismus als Protest : die gefährdete Mitte in der globalen Moderne. – Hamburg : VSA Verlag. – 184 S.

Kurz S., Bischofberger C. (2022). Reden wir über die Politik. – Vienna : Edition a. – 240 S.

Schelsky H. (1954). Wandlungen der deutschen Familie in der Gegenwart : Darstellung und Deutung einer empirisch-soziologischen Tatbestandsaufnahme. – Stuttgart : Ferdinand Enke. – 418 S.

Strobl N. (2021). Radikalisierter Konservatismus : eine Analyse. – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag. – 192 S.

DOI: 10.31249/ape/2023.04.01

Belinsky A.V.¹

Introduction. The right-wing camp of the Old World: from the «end of history» to renaissance

Abstract. *The article examines the evolution of the right-wing camp (conservatism, right-wing populism, right-wing radicalism) at the beginning of the 21 st century. It is noted that the erasure of distinctions between the*

---

¹ **Belinsky Andrey Victorovich** – PhD in Political Sciences, Senior Researcher, INION RAN; belinskii_andrei@mail.ru

leading parties, the transformation of society and the end of the Cold War led to a crisis of identity of right-wing parties and forces in Europe. Conservative parties have shifted towards the centre while abandoning their traditional values and ideas. As for right-wing radical and right-wing extremist organisations, they found themselves in a kind of political ghetto without the support of a significant part of society and the media. However, the erosion of the middle class, the negative consequences of globalisation, the problems of migration, the permanent fear of loss of social status, coupled with the inability of centrist parties to solve the problems at hand, gave the right-wing a historical chance. Already in the mid- to late 1990 s, right-wing radical and right-wing extremist organisations achieved regional successes in a number of European countries. However, the real renaissance for the right-wing in Europe came in the mid-2000 s, when, after modernization, right-populist parties began to make serious electoral gains. At the same time, there is a shift to the right of conservative parties in a number of European countries (Austria, France, etc.). In 2020–2023, Europe experienced a third wave of the right-populist offensive, which was reflected in the electoral victories of Law and Justice in Poland, Fidesz in Hungary, in the rapid growth of popularity of Alternative for Germany, the Freedom Party of Austria, etc.

Keywords: *right-wing camp, right-wing populism, M. Le Pen, Alternative for Germany, Freedom Party of Austria, EU.*

Статья поступила в редакцию (Received) 22.07.2023
Доработана после рецензирования (Revised) 24.07.2023
Принята к публикации (Accepted) 02.08.2023